

МЕТОД АНАЛИЗА ЕДИНИЧНОГО СЛУЧАЯ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ В ПСИХОЛОГИИ¹

Харламенкова Н.Е.

Статья посвящена истории разработки метода анализа единичного случая в психологии и обоснованию возможности его использования как научной процедуры. Показано, что в настоящее время расширяются возможности применения метода, описываются различные типы исследований, систематизируются критерии, обеспечивающие валидность и достоверность данных. Выявлено, что метод анализа единичного случая имеет свою специфику в клинической психологии и психологии личности, в практике обучения и коррекции поведения; определены современные тенденции в развитии метода, описаны и обоснованы преимущества применения этого метода одновременно на трех случаях. Значимость метода анализа единичного случая для современной психологии подтверждается интенсивной разработкой методической части исследований, использующих этот метод, с одной стороны, а с другой, – возможным вкладом подобных исследований в решение методологических и теоретических проблем психологии. Делается вывод о необходимости проведения исследований, в которых метод анализа единичного случая применяется одновременно с другими научными процедурами «экспериментальной методологии» психологии.

Ключевые слова: метод анализа единичного случая, case study, номотетический и идиографический методы, валидность, психологические механизмы, психическое как процесс, общее и особенное, индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы, метод триад.

История развития научной психологии тесно связана с разработкой системы диагностических методов и экспериментальных приемов. На уровне методологии науки до сих пор обсуждается вопрос о преимуществах и недостатках номотетического и идиографического методов исследования и, соответственно, проблема важности формулировки как общих психологических

---

¹ Исследование выполнено по Госзаданию ФАНО (№ 0159-2018-0007).

закономерностей (Максимова, Александров, 2016а,б), так и частных зависимостей.

Сопоставление общего и особенного, универсального и уникального наиболее часто встречается в публикациях клинических психологов и специалистов, работающих в области психологии личности. Эта тема возникает на этапе планирования исследования, а именно, при формировании выборочной совокупности и оценки ее объема, репрезентативности, гомогенности, или позднее — на этапе анализа и интерпретации полученных данных. По мнению Эдварда Шапиро, Томаса Олбрайта и Кристины Эйджер иногда анализ отдельных случаев может быть более предпочтительным, чем изучение групповых данных (Shapiro, Albright, Ager, 1986), поскольку объединение отдельных случаев бывает невозможным вследствие особой уникальности каждого из них. С этим мнением согласны и другие авторы (Davidson, Costello, 1969; Jones, 1993; Hilliard, 1993).

Методологические основания метода анализа единичных случаев

Развитие глубинной психологии на рубеже XIX-XX веков и в последующие десятилетия XX в. строилось на обобщении данных отдельных случаев. Это, например, широко известные психотерапевтические кейсы (cases), которые привычно связывают с именем Зигмунда Фрейда — случаи Анны О., Доры, Маленького Ганса, Человека-волка, Человека-крысы, Шребера, хотя только три из них — Доры, Человека-волка, Человека-крысы, имеют прямое отношение к психотерапевтической работе Фрейда. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим, что «знаменитые случаи из практики» Фрейда, кроме открытия отдельных феноменов, представляли собой «убедительные иллюстрации к его теоретическим положениям» (Боковиков, 2007, с. 5) и демонстрировали действенность структурного, генетического, динамического и др. принципов, на которых была построена психоаналитическая теория личности. К анализу случаев обращались Г. Фехнер, Дж. Уотсон, Б. Скиннер и др. (Smith, 2012).

Прошел почти полуторавековой период с момента становления психологии как науки, однако актуальность вопроса, связанного с анализом отдельных случаев (case study), до сих пор не ослабевает; определяются методологические основания используемого метода, расширяются возможности его применения, описываются различные типы подобных исследований, систематизируются критерии, обеспечивающие валидность и достоверность данных.

Монте Шапиро — известный клинический психолог, более четверти века (с 1951 по 1979 гг.) посвятил разработке принципов применения метода анализа единичного случая (см. McCullough, 1984). В одной из своих статей он писал, что среди клинических психологов и психиатров немало найдется людей, которые выразили бы серьезное сомнение относительно допустимости применения данного метода для проведения научного исследования (Shapiro, 1961). Однако, отмечает Шапиро, подобные сомнения напрасны; метод не только можно, но и нужно использовать для решения научных задач.

Анализируя статистику публикаций за 1963 г. в журналах клинической (Journal of Clinical Psychology) и консультативной психологии (Journal of Consulting Psychology), посвященных единичному случаю, М. Шапиро отмечает, что из опубликованных в первом из этих журналов 144 статей только 3 имеют отношение к исследованию одного случая (single-case investigation), а из 127 публикаций, изданных во втором журнале, подобных статей вообще не встречается. Шапиро объясняет это тем, что осуществляемые по отношению к одному человеку (пациенту) приемы воздействия (лечения) вызывают целый комплекс реакций, который бывает затруднительно представить в виде какой-либо зависимости. Кроме того, результаты, полученные при обследовании одного клиента, практически не удается перенести на данные другого клиента. Раскрывая возможности метода, Шапиро пишет: «Ученого-исследователя не должны интересовать исключительно уникальные паттерны прошлых событий; он должен быть в большей степени заинтересован в том, как эти события соотносятся между собой» (Shapiro, 1966, p. 4). Рассматривая единичный

случай как экспериментальный метод, ученый отмечает, что для его адекватного применения необходимо соблюдать целый ряд правил, которыми являются экспериментальный контроль, перенос данных (буквально, копирование, “replication”) с одного случая на другой (другие) и создание измерительных методов (Shapiro, 1961, p. 255). Использование метода единичного случая предполагает манипулирование переменными и многократное чередование экспериментального и контрольного воздействий, которые позволяют верифицировать или фальсифицировать гипотезу. Важно и то, что «клинико-психологические исследования не являются “центрированными на одном индивиде”, но “центрированными на группе”, т.к. наблюдения проводятся исходя из показателей группы» (Shapiro, 1961, p. 261).

Инициативность и энтузиазм ученых, аргументированно доказывающих ценность метода анализа случая (single-case research, single-case design), привели к тому, что, начиная с 50-х годов XX века количество исследований, в которых применялся данный метод, значительно увеличивалось. Так, анализ тематики статей, опубликованных в журналах Американской психологической ассоциации (American psychological association, APA) показал, что в 50-е годы XX века, было издано 2 статьи по проблеме анализа единичного случая, в 60-е годы — 4 статьи, в 70-е — 14 статей, в 80-е — 16, в 90-е — 21; в период с 2000 по 2010 гг. — 22 статьи, а с 2011 по 2018 гг. — уже 71 статья.

Следует заметить, что вне зависимости от предметной области, в которой работает тот или иной исследователь, правила применения обсуждаемого нами метода, наиболее четко сформулированные М. Шапиро, продолжают квалифицироваться учеными и практиками как важнейшие ориентиры корректно проведенного исследования. Так, в книге, вышедшей под редакцией Парка Девидсона и Чарльза Костелло, указывается, что изучение случаев должно включать в себя: детализированное описание этапов исследования, количественную оценку (квантификацию) наблюдаемых явлений (в том числе и патологических), экспериментальный контроль, исключаяющий влияние

побочных переменных и снижающий риск артефактного вывода (Davidson, Costello, 1969).

Несмотря на это, вопросы методологического и практического характера при использовании метода единичного случая все еще остаются. По мнению Алана Каздина у исследователя может возникать сомнение относительно того, когда в процессе работы с респондентом (пациентом) нужно переходить от одной фазы исследования к другой, в какой момент необходимо манипулировать уровнем независимой переменной, как контролировать другие виды интервенций, какие статистические методы необходимо использовать (Kazdin, 1978). Ряд важнейших методологических принципов, выступающих в качестве основы метода анализа случаев, метода интрасубъектного исследования (intra-subject investigations, intra-S) в психотерапевтической практике, формулирует Джеймс Миккала (McCullough, 1984), непосредственно обращаясь к работам М. Шапиро (Shapiro, 1957, 1964, 1966). Миккала, в частности, отмечает, что наряду с психотерапевтическими методами следует использовать исследовательские процедуры, прежде всего, метод анализа случая; с целью контроля переменных исследователь-практик должен уметь переносить данные, полученные при обследовании одного человека, на другие случаи; использовать психометрические приемы и др.

По мнению многих авторов, метод единичного случая позволяет генерировать новые гипотезы, эмпирически изучать теоретические конструкты и даже проверять наличие каузальных связей между переменными. Важным достоинством метода является его возможность более тесно соотносить исследовательские и практические приемы, обнаруживать эффективность того или иного воздействия, которое оказывается на человека в процессе обучения или лечения (Jones, 1993).

Несмотря на эффективность обсуждаемого метода, он, в соотношении с идентично названным планом эмпирического исследования — методом анализа единичного случая — был отнесен Д. Кэмпбеллом к группе доэкспериментальных планов, для которых, вследствие снижения

экспериментального контроля, характерен низкий уровень валидности исследования (Кэмпбелл, 1996). Однако, как пишут А.П. Корнилов и Т.В. Корнилова, для изучения единичного случая, которым может быть не только один человек, но и особая группа людей, нередко используют нормативные показатели (например, при проведении патопсихологического эксперимента — показатели психически здоровых людей) (Корнилов, Корнилова, 1998). Все, сказанное выше, подтверждает тот факт, что применение метода анализа единичного случая в *клинической психологии* является одним из наиболее распространенных подходов к реализации этого метода в целях проверки диагностических и исследовательских гипотез.

Анализ единичного случая в клинической психологии и психологии личности

Довольно часто к методу анализа случая обращаются с тем, чтобы оценить *эффективность* той или иной *психотерапевтической техники*, используемой в целях улучшения состояния пациента, например, при паническом расстройстве (Barlow et al., 1989), тревожности и депрессии (Moras, Telfer, Barlow, 1993), болезни Паркинсона (Lundervold, Pahwa, Lyons, 2013), нервной анорексии (Satir et al., 2011), деменции (Fisher, Buchanan, 2018) и мн. др. Принципы использования метода состоят в чередовании замеров психического состояния человека до оказываемого воздействия (например, когнитивно-бихевиориальной психотерапии) и после него, либо чередовании подобных замеров после разных видов воздействий. При решении этой задачи большое внимание уделяется самой технике и ее отдельным интервенциям, оценке эффективности и действенности лечения. Так, в исследовании Эрика Педсена с коллегами оценивались возможности функционально-аналитической психотерапии (Functional Analytic Psychotherapy, FAP) при лечении посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) (Pedersen et al., 2012, p. 127–128). Сравнение с другими психотерапевтическими техниками показало преимущество FAP, которое состояло не только в уменьшении

психопатологической симптоматики и проблемного поведения (например, симптомов избегания социальных контактов), но и в расширении репертуара стратегий общения, развитии умения дифференцировать ситуации и др. В исследовании детально описаны техники психотерапевтического воздействия, но, наряду с этим показано и то, как меняется состояние человека, его поведение, эмоциональные реакции. Иными словами, дается не только общая оценка состояния пациента, но выводятся *закономерности* изменения его поведения, когнитивных и эмоциональных процессов.

Развитие представлений о методе анализа единичного случая шло в направлении его использования для более глубокого понимания психологии человека, раскрытия *психологических механизмов* его функционирования, обнаружения законосообразных (в том числе и причинно-следственных) связей между психологическими переменными. В этом случае воздействие (например, тот или иной тип психотерапии) рассматривалось в качестве причины более или менее существенных изменений состояния человека, но основное внимание, при этом, было сосредоточено на изучении *динамики психической деятельности* с целью поиска сходства и различий в функционировании психики здорового и больного человека. «В основе формирования личности больного человека лежат психологические закономерности (механизмы), во многом сходные с закономерностями нормального психического развития. Однако болезненный процесс (алкогольная энцефалопатия, нарастающая инертность при эпилепсии и т.п.) создает особые, не имеющие аналога в нормальном развитии условия функционирования психологических механизмов, которые приводят к искаженному патологическому развитию личности» (Зейгарник, 1986, с. 165). Переход от констатации факта улучшения состояния человека после психотерапии к анализу самого состояния, изучению его как *процесса*, разворачиваемого во времени, исследованию механизмов функционирования психики, стал серьезным шагом в развитии методологии и технологии применения метода анализа случая. Многие современные авторы отмечают, что количественные показатели (например, частота указываемых тем

или симптомов) уже недостаточны для понимания конкретного случая; важен качественный анализ материала (содержание рассказа пациента, конкретного нарратива), «анализ реальных взаимодействий во время психотерапевтических сеансов» (Калмыкова, 2012, с. 79), который, наряду с реконструкцией истории жизни пациента, призван «отражать непрерывность и континуальность психической жизни» (там же, с. 162).

Метод единичного случая позволяет реализовать не только динамический, но и *структурный* (холистический) подход к исследованию личности. Пожалуй, в большей мере, чем статистический анализ выборочных данных, изучение случая направлено на системное исследование психики, личности (здорового или больного человека) в ее *единстве* и *целостности*. «Такой подход, – писал А.Р. Лурия, – имеет, однако, свою историю. Он принят в клинике, где вдумчивый врач никогда не ограничивает своих интересов изучаемым симптомом, но всегда пытается понять, как нарушение одного частного процесса сказывается на протекании всех других процессов организма и как изменения этих процессов, в конечном счёте, имеющие один корень, приводят к изменению деятельности всего организма, к возникновению целостной картины болезни того, что в медицине принято называть синдромом» (Лурия, 1994, с. 6). Комплексно анализируя уникальные истории (случай Шерешевского, случай лейтенанта Засецкого), Лурия, казалось бы, исследовал особые, неповторимые обстоятельства жизни людей, которые невозможно было сравнить ни между собой, ни с индивидуальными историями других людей (Лурия, 1974, 1994). Во многом это действительно так, однако в каждой уникальной истории ученый-исследователь находил и такие факты, которые открывали большие возможности для изучения памяти, воображения, мышления, личности любого человека, возможность увидеть общее в особенном, исследовать психическое целостно.

Рассматривая метод анализа единичного случая не столько как метод исследования уникального, сколько как метод, который, благодаря изучению единичного, позволяет анализировать общее (Харламенкова, 2007, 2010, 2012),

мы непосредственно обращаемся к проблеме *индивидуально-психологических различий* между людьми, которая является одной из центральных для психологии вообще и для клинической психологии, психологии личности, в частности. Так, В.П. Критская и Т.К. Мелешко, выделяя некоторые общие особенности «патопсихологического синдрома, специфичного для шизофренической патологии», а именно «снижение социальной направленности и социальной регуляции деятельности и поведения», существенную роль в психологической диагностике и коррекции больных с эндогенными психическими расстройствами отводят индивидуальным особенностям обследуемых пациентов. Речь, в частности, идет о том, что многие больные пытаются самостоятельно справиться со своим недугом, не всегда имея достаточную мотивацию, необходимую для регуляции собственной активности. Важно понимать, пишут авторы, что «одной из главных задач психологической коррекции является использование и регулирование такой инициативы, что может осуществляться в первую очередь в рамках индивидуальной работы с больным» (Критская, Мелешко, 2015, с. 348). Благодаря целенаправленной работе с пациентом обнаруживаются личные пристрастия человека, его интересы, склонности и намерения, без учета которых любая самая совершенная интервенция будет мало эффективной.

Выделенные нами особенности использования метода анализа единичного случая в клинической психологии и психологии личности, показывают, что его возможности гораздо шире приписываемой ему роли — *роли иллюстрирования* общепсихологических закономерностей конкретным случаем (Guest, Ohrt, 2018); без этого метода результаты научного исследования могут показаться менее достоверными, мало соответствующими реальному многообразию проявления выявленных зависимостей (Кузовкин, 2014а).

Метод анализа единичного случая в практике обучения и коррекции поведения

В теории и практике обучения и коррекции дезадаптивного поведения выбор метода анализа единичного случая — одно из необходимых условий осуществления поиска адекватных способов усвоения знаний, умений и навыков, новых подходов к изменению коммуникативных стратегий поведения (например, Chen, Lindo, 2018). В отечественных исследованиях диагностическая работа с одним ребенком и небольшими по объему группами респондентов считается наиболее приемлемой для изучения когнитивных и эмоциональных функций обследуемых детей с нормальным и аномальным развитием. По мнению В.И. Лубовского недостаточное знание специфических закономерностей аномального развития ребенка не позволяет проводить более точную психологическую диагностику его особенностей и оценивать обучаемость в ближайшей перспективе, причем данные по «индивидуализации обучения ребенка», как полагал Лубовский, должны быть получены и при последующем углубленном наблюдении за ребенком в условиях школьного обучения, т.е. не только в ближайшей, но и в отдаленной перспективе (Лубовский, 1989, с. 90).

На необходимость дифференцированной оценки способностей ученика с целью выбора наиболее эффективной методики обучения указывает и Брайан Мартенс с коллегами (Martens et al., 1999), при этом методы прямого (направленного) обучения школьников продолжают признаваться многими специалистами в качестве комплексного, интенсивного и эффективного способа воздействия на учащегося, позволяющего усваивать транслируемое ему знание (Fallon, Kurtz, Mueller, 2018).

Можно заметить, что целевое использование метода единичного случая в разных областях знания — клинической и коррекционной психологии и педагогике, психологии личности и в области обучения детей и взрослых, часто связано с решением определенного круга задач — диагностикой актуального психического статуса обследуемого и гипотетическим использованием разных методов воздействия на него с целью изучения динамики самочувствия или возможностей коррекции поведения (Божевольнов, 2014).

Решение сугубо *научных задач* предполагает исследование качественных изменений когнитивных установок, эмоциональных реакций человека, его мотивационно-потребностной сферы и др. индивидуально-психологических характеристик совместно с оценкой последующей возможности переноса показателей одного случая на данные других случаев и формулировки общепсихологических закономерностей.

Групповые формы обучения, безусловно, имеют ряд преимуществ, одним из которых является, например, актуализация мотивации достижения в условиях соревнования, развитие конструктивного соперничества в группе, при этом, однако, практически невозможно учесть влияние ряда переменных, которые выступают важными факторами эффективного усвоения знаний. Такой переменной является *контекст обучения*, в той или иной мере обеспечивающий личностную включенность учащегося в этот процесс; полезной оказывается варьирование контекста или конкретных ситуаций обучения в зависимости от индивидуальных особенностей субъекта и задач учебной деятельности (Кузовкин, 2014б). Индивидуальное обучение, осуществляемое с помощью метода анализа единичного случая, допускает проведение *дифференцированного анализа* эмоциональной и поведенческой сферы субъекта; приемлемым является и *самоанализ* поведения (например, анализ матерью материалов видеозаписи ее взаимодействия со своим ребенком), инициирующий собственную активность обучающегося (Арчакова и др., 2014). Следует специально подчеркнуть, что анализ единичного случая в обучении и индивидуальная форма обучения не идентичны друг другу. Индивидуальное обучение это — персональное обучение учителем одного-двух учеников с целью достижения высоких результатов; анализ единичного случая в обучении — изучение психологических механизмов обучения под влиянием различных условий, факторов, обучения как процесса, а также его результатов — позитивных и негативных. Специфика метода анализа единичного случая в образовании состоит в том, что «кейс» может выступать в двух видах: первый из них, это — конкретный случай, наблюдаемый и изучаемый исследователем,

второй — некоторый образец, который используется в качестве «учебного пособия» для повышения уровня знаний или коррекции навыков обучения у учащихся.

В любом из этих вариантов, однако, от практика и исследователя требуется не детальное описание (перечисление) характеристик данного человека, а так называемая *формулировка случая*, т.е. структурирование информации о нем, «определение связного паттерна» признаков. Подобное представление данных о единичном случае имеет большие преимущества, например, перед такой оценочной процедурой как постановка диагноза или проведением индивидуальной психодиагностики, поскольку, благодаря синтезу информации реализуется не только объяснительная функция процедуры формулировки случая, но и ряд других ее функций — интегративная, предписывающая и предсказательная (Ягньюк, 2014).

Рассмотренные нами особенности применения метода анализа единичного случая в практике обучения и при решении задач коррекции поведения подтверждают тот факт, что этот метод является одним из научных инструментов, с помощью которого можно исследовать психологию человека как при его нормальном развитии, так и при наличии отклонений от нормы. Следует отметить, что и в этой области исследования, рассмотрение метода в качестве приема, с помощью которого можно лишь проиллюстрировать общевыборочные данные демонстрацией конкретного примера, существенно сужает его возможности.

Типы исследований с использованием метода case study

О разных типах исследований, планируемых с целью применения метода анализа единичного случая, писал Монте Шапиро, выделяя такие из них как *простая ковариация* (“simple covariation”), *сложная ковариация* (“complex covariation”), *простой эксперимент* (“simple experimental”), *предсказательный эксперимент* (“predictive experimental”) (Shapiro, 1966). Первые два типа исследований позволяют устанавливать связи между различными феноменами:

между двумя или несколькими характеристиками обследуемого индивида и между внешними факторами и особенностями индивида, которые оказываются связанными друг с другом. Остальные два типа исследований названы экспериментальными, поскольку включают в себя обязательную процедуру манипуляции независимой переменной (НП): в простом эксперименте фиксируются изменения зависимой переменной (ЗП) при манипуляции НП, в предсказательном эксперименте — проводится наблюдение за изменением ЗП под влиянием новых и ранее не фигурируемых и не наблюдаемых независимых переменных, предсказанных на основе анализа данных, полученных ранее.

Типы экспериментальных приемов при обращении к методу анализа единичного случая описаны многими исследователями (Leitenberg, 1973). Широко известен такой тип дизайна, при котором участник исследования обследуется сначала в одних (исходных) условиях (А), а затем в условиях оказываемого воздействия (В), которым может быть психотерапевтическое лечение; далее условия чередуются — без воздействия (А) и под влиянием воздействия (В). В целом такой план выглядит так — АВАВ. Рассматриваются и более сложные планы, например, с чередованием нескольких воздействий и др.

При создании различных планов эксперимента исследователи стремятся использовать метод анализа единичного случая таким образом, чтобы получить данные, позволяющие верифицировать выдвинутые гипотезы и достигнуть достаточно высокого уровня валидности результатов исследования. В современных работах, ориентированных на метод анализа единичного случая, успешно используются иерархические линейные модели для объединения данных, полученных этим методом (Van den Noortgate, Onghena, 2003), а также иные методы обработки результатов (Manolov, Solanas, 2012; Moeuyaert et al., 2017), в том числе, позволяющие отслеживать отдаленные во времени эффекты оказанного на человека воздействия (Sullivan, Shadish, Steiner, 2015).

Важно подчеркнуть, что появление в истории разработки метода анализа единичного случая различных вариантов (типов) его применения, указывает на растущий интерес к этому методу, но, самое главное — на целенаправленный

отбор таких способов экспериментирования, которые существенно повышают достоверность результатов исследования при решении широкого круга задач. Ценными являются варианты «case study», в которых исходно заложен *принцип интерпретации* результатов, а значит — имеется стандартизованная процедура обработки, анализа и объяснения данных, допускающая сравнение одного случая с другим. Более того, при проведении ряда психотерапевтических интервенций, важно учитывать данные одного (интра-индивидуальный план, intra-subject) и нескольких субъектов (интер-индивидуальный план, inter-subject). Возможность сопоставления двух случаев на разных этапах экспериментирования, каждый из которых прошел одну и ту же процедуру исследования, позволяет увидеть общее и особенное в реагировании людей с разными типами проблемного поведения на оказываемое воздействие. К. Оширо с коллегами пишет, что «синхронное воспроизведение данных у одного субъекта, а также сразу у нескольких субъектов является важным этапом развития подобных научных исследований, поскольку благодаря им, результаты становятся более надежными, появляется возможность их обобщения, уменьшается количество ошибок и повышается внутренняя валидность исследования...» (Oshiro et al., 2012, p. 112). Подобные интер- и интра-индивидуальные планы существенно повышают значимость метода анализа единичного случая и компенсируют недостаточность *принципа индуктивного вывода*, который является основным при использовании данного метода.

Пожалуй, это одно из наиболее серьезных достоинств развиваемого сегодня метода анализа единичного случая, который используется не только для изучения особенностей одного человека (Харламенкова, Никитина, 2014), но для сравнения двух и более случаев с целью формулировки общепсихологических закономерностей. При этом индуктивный вывод часто ставится под сомнение как метод доказательства истинности теоретического положения. Принципиальную позицию в этом вопросе занимает Т.В. Корнилова, которая подчеркивает «невозможность индуктивного построения научных понятий» (Корнилова, 2005, с. 160).

Ранее мы писали (Харламенкова, 2014), что к так называемой вульгарной индукции действительно следует относиться критически и определять ее как «метод чересчур торопливого восхождения или скачка от частных фактов, плохо изученных, ненадежно установленных, к положениям высшей степени общности» (Асмус, 1969, с. 386). Но отвергать индукцию вообще — не стоит, особенно в тех случаях, когда она, согласно Ф. Бэкону представляется как «метод постепенного, последовательного восхождения от частных фактов к хорошо обоснованным “средним аксиомам” и уже от этих последних к аксиомам высшим» (там же, с. 386). Формулировкой идеи об индукции Бэкон обратил серьезное внимание на значительный разрыв между логической формой и содержанием, на то, что сейчас называется внешней валидностью исследования, когда установленная в эксперименте зависимость наблюдается в реальности, не упрощена и не искусственна.

Преодоление этого разрыва, которое возможно при применении метода анализа единичного случая и использовании приемлемых форм индукции, могло бы «поднять науку на тот уровень, на котором правильная логическая связь осуществляется между посылками, обобщающая сила которых проверена и научно обоснована, т.е. посылками, отражающими для мысли объективную реальность, действительный порядок вещей» (Асмус, 1969, с. 404).

Современные тенденции в разработке метода анализа единичного случая: принцип одного, двух или трех случаев

Усложнение процедуры исследования одного случая, наблюдаемое в современных научных разработках, происходит вследствие повышения требований к уровню достоверности результатов проводимых экспериментов. Тщательно планируется процедура исследования, осуществляется поиск новых способов контроля побочных переменных, одним из которых является сравнение данных, полученных с помощью интра- и интериндивидуальных планов. Данная тенденция четко прослеживается в работе Джаррода Тернера и Дэвида Лича, в которой с помощью специально организованной процедуры

активации поведения (Behavioral Activation Treatment — ВА) проверялась гипотеза о снижении уровня тревожности при повышении поведенческой активности человека в важных для него сферах жизни. Значительное внимание было уделено обоснованию количества этапов исследования, длительности времени проведения каждого этапа, затруднительности объективации данных, полученных на одном случае (Turner, Leach, 2010). Выдвинутая гипотеза была верифицирована на примере трех случаев — мужчины в возрасте 51 года и двух женщин в возрасте 53 и 62 лет с диагнозом тревожное расстройство. Примечателен тот факт, что для каждого респондента были построены индивидуальные кривые показателей тревожности и их изменения под влиянием проводимой поведенческой психотерапии (Behavioral Activation Treatment), определена индивидуальная динамика тревожности, схожесть которой во всех трех случаях выступила в качестве значимого довода в пользу применяемой техники.

К сожалению, факт участия в исследовании трех респондентов не был должным образом обоснован, хотя, с нашей точки зрения, обращение к триаде признаков имеет свои существенные основания и является одной из современных тенденций в методологии *исследования общего и особенного* как важнейшей методологической проблемы научной психологии (Харламенкова, 2012; Харламенкова, Тарабрина, Никитина, 2015).

Пытаясь обосновать значимость принципа *трех случаев* (принципа триады) для развития методологии анализа единичного случая мы, прежде всего, обратились к примерам обсуждения этой темы в философских, психологических и иных научных концепциях.

Напомним лишь некоторые из известных учений, основанных на идее триады. Это — в античной философии «принцип и метод триадического построения и изложения» Прокла (Асмус, 1976, с. 529), который полагал, что весь мир построен на триадах. В частности, выделяется триада Единого, Ума и Души, каждое звено которой тоже подвергается триадическому расчленению. В немецкой классической философии обосновывается триада Тезис, Антитезис,

Синтез (Гегель), постулируется триада философской системы Канта, созданная «в соответствии с тремя способностями человеческой психики: познавательной, оценочной (“чувство удовольствия”) и волевой (“способность желания”))» (Гулыга, 1977, с. 177). Нельзя не упомянуть триадическую модель знака Ч. Пирса, так называемую дарвиновскую триаду – наследственность, изменчивость, отбор, триаду И. Дёберейнера, предложенную для систематизации химических элементов и многие другие.

Универсальный характер триадических моделей, схем, отношений, конструкций и их представленность в разных науках объясняется тем, что подобные отношения создают больше возможностей для раскрытия, развития и целостного описания объектов (гносеологический аспект). Если же элементами отношений являются сами объекты, то исключается их замкнутость друг на друге, как это обычно бывает при диадических связях, преодолевается ограниченность контактов (онтологический аспект).

Сущность триадического принципа состоит еще и в том, что он сочетает в себе самые разные познавательные стратегии, благодаря которым становится возможным исследовать структурные, генетические и иные аспекты функционирования объекта с помощью системы этих познавательных приемов.

По-существу, триада является лишь формой, схемой, которой не следует злоупотреблять, но которую и нежелательно игнорировать как принцип, прием, метод познания действительности, ведь в его основе лежит тенденция искать как сходство, так и различия между объектами, формулировать и проверять научные гипотезы.

Идея триады и ее реализация в конкретных моделях нередко встречается и в *психологических исследованиях*. Это – трехкомпонентная теория цветоощущения Юнга-Гельмгольца, трехкомпонентная теория памяти Р. Аткинсона, структурная модель личности З. Фрейда, трехкомпонентная теория темперамента Р. Пломинга, А. Басса, триединство личности по С.Л. Рубинштейну (потребности, способности, характер), представления о Я-концепции как совокупности когнитивного, эмоционального и поведенческого

компонентов (Р. Бернс) и т.д.

Одной из актуальных и интересных проблем психологии, прежде всего, ее психоаналитического направления является дискуссия относительно двусторонних и трехсторонних отношений субъекта. Как считает М. Балинт тройственные отношения это – отношения между субъектом и как минимум двумя объектами (Балинт, 2002, с. 27), что характерно для эдипова периода, или для *эдипова уровня* аналитической работы. Для доэдипова периода, или *уровня базисного дефекта* типичны отношения, которые устанавливаются между двумя персонами, а третья персона отсутствует. В последнем случае между двумя людьми складываются достаточно примитивные отношения, когда только одна сторона имеет собственные желания и интересы. Трехсторонние отношения всегда характеризуются конфликтом, и их преимущество перед двусторонними отношениями состоит в том, что конфликт может быть разрешен или урегулирован, тогда как «дефект может быть, по-видимому, просто исцелен при условии, что будут найдены недостающие ингредиенты; и даже в этом случае мы можем говорить только о том, что рана затянулась...» (Балинт, 2002, с. 36).

Подробно останавливаясь на проблеме двусторонних и трехсторонних отношений, мы тем самым обращаем внимание на то, что при ее рассмотрении происходит взаимное пересечение онтологического и гносеологического аспектов научного исследования. Закономерно и то, что, если для изучения тройственных связей как более зрелых отношений используются и более сложные методы анализа (например, интерпретация), то для исследования примитивных отношений применяются другие техники (невербальные, экспрессивные).

Возвращаясь к методу анализа единичного случая, отметим, что в связи со всем сказанным выше о триадических моделях, теориях и отношениях, полезно было бы пересмотреть принципы использования метода case study, и обратиться к одному из его вариантов – к *методу триады*.

К. Клакхон и Г. Мюррей, определяя возможный спектр личностных

характеристик, писали, что человек в чем-то похож на всех людей, в чем-то похож на некоторых людей и в чем-то не похож ни на кого другого (Бодалев, Столин, 2000, с. 26). При изучении личности всегда присутствует принцип биполярности, который заключается не только в поиске феноменов сходства, группировки и обобщения, но и в поиске феноменов противопоставления личностных характеристик.

Конкретизация идеи триады нашла воплощение в теории личности Дж. Келли, который исследовал индивидуальные особенности человека, соотнося их не с нормой, а с другими характеристиками того же индивида. Говоря о психике, Келли определял одну из ведущих её функций; она заключается в исследовании реальности, а также в прогнозировании будущего и контроле поведения. В связи с этим, Келли выделяет такое понятие, как конструкт, объединяя в нем две функции сознания: обобщение и противопоставление. Принцип противопоставления достаточно информативен, помогает с одной стороны разглядеть нечто большее, чем просто данное, но с другой стороны, позволяет игнорировать ненужную информацию.

Сущность метода триады состоит в сравнении трех случаев с целью поиска направления анализа выборочных данных. Достоинства метода триады, основанном на выявлении сходства и различий между тремя объектами, состоят в том, что появляется возможность, с одной стороны, более строго контролировать влияние побочных переменных, а с другой стороны, расширять область поиска закономерностей, формулируя новые гипотезы.

Условиями использования метода являются:

- выбор трех случаев на основе принципа случайности (рандомизации);
- использование разных стратегий сравнения случаев по разным основаниям (переменным);
- следование правилу, в соответствии с которым одни и те же объекты могут быть похожи при сравнении по одному признаку, но различаться при сравнении по другому признаку;

- применение принципа системности для объединения результатов сравнения объектов по разным основаниям и целостного представления о предмете исследования;
- представление результатов исследования методом триады в гипотетическом виде с целью их проверки на большей по объему выборке.

Особенно важно использовать метод триады при исследовании *сложных объектов*, которые могут меняться под влиянием системы факторов, вклад каждого из которых при изучении выборки в целом, оценить практически невозможно.

Существует мнение, что стремление повысить внутреннюю валидность исследования часто обратным образом влияет на внешнюю валидность, т.е. на возможность перенесения полученных данных на реальность. Метод триад – тот уникальный познавательный прием, при котором, благодаря соблюдению баланса между номотетической и идиографической процедурами сбора данных, внутренняя и внешняя валидность исследования остаются на достаточно высоком уровне, и открывается путь для изучения не только психических явлений, отдельных феноменов, но и системы механизмов в целом. С помощью метода триад ограничивается свобода исследователя использовать результаты анализа *одного* объекта (случая) для подтверждения своей точки зрения, а также снижается риск упрощенного сравнения *двух* объектов либо как сходных, либо как различных. Метод триады допускает множественность сравнений и, соответственно, разнообразие результатов, которые следует упорядочить, структурировать и объяснить. В этом, как нам думается, и состоит особенность и достоинство метода триады, который, с одной стороны, направлен на изучение индивидуально-психологических особенностей человека, а с другой – на установление общепсихологических зависимостей. Занимая промежуточное положение между идиографическими и номотетическими познавательными процедурами, метод триады при этом имеет самостоятельный статус в психологии как метод, направленный на выявление психологических

механизмов, благодаря анализу которых исследуются детерминанты, направленность и варианты психического развития субъекта.

Методолого-теоретические проблемы психологии в перспективе разработки метода анализа единичного случая

Обсуждая проблему метода, может показаться, что эта тема — слишком частный вопрос, который по уровню обобщения и теоретической значимости не может быть возведен в ранг методологических проблем психологии, определяющих ее перспективы. Действительно, при обсуждении этого типа экспериментального дизайна ученых интересуют варианты метода анализа единичного случая, типы контроля побочных переменных, методы и частота фиксации зависимой переменной, и многое другое, что определяет процедуру исследования и валидность его результатов. Некоторые из этих тем были рассмотрены нами выше.

Несмотря на преобладание вопросов методического характера, уровень фундаментальности проблем, непосредственно связанных с “case study”, становится все более заметным. Джастин Смит, систематизируя более чем 400 публикаций, посвященных этому методу, отмечает значимость его использования практически во всех областях психологии (Smith, 2012). Смит выделяет методологические основания использования метода, которые, однако, соответствуют методологии проведения эмпирического исследования и мало соотносятся с методологией научной психологии в целом. Так, одним из перспективных направлений исследования Смит называет развитие статистических процедур анализа данных, полученных с помощью метода “case study”.

Обсуждаемый в этой статье метод как, впрочем, и любой другой исследовательский подход, не может иметь статуса научной процедуры, если его разработка не основывается на теоретических и методологических принципах и проблемах науки. Это утверждение касается и метода анализа единичного случая, история конструирования которого тесно связана с более

чем столетним развитием психологии как науки; несомненен и тот факт, что непрекращающийся исследовательский интерес к любому методу, а также его постоянное совершенствование и обсуждение по-существу подтверждают значимость разрабатываемой процедуры для формирования научного знания.

Иногда ошибочно считают, что благодаря методу анализа единичного случая удастся исследовать уникальные черты личности, в своей особой конфигурации свойственные только одному человеку. Ошибочность этого мнения состоит в том, что уникальное, т.е. единичное, не может являться предметом научного исследования за исключением тех ситуаций, когда единичное закономерным образом изучается в соотношении с особенным и универсальным. Как писал С.Л. Рубинштейн, «свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее» (Рубинштейн, 1959, с. 119).

Конечно, возрастающий интерес к методу анализа единичного случая можно объяснить появлением разнообразия в новых психотерапевтических практиках, которые апробируются на отдельных клиентах с целью оценки их эффективности. Однако, даже при решении сугубо практических задач, современного исследователя интересует не только результат, но и процесс лечения пациента, процесс изменения его психического состояния.

Рассматривая это изменение у конкретного пациента, исследователь строит гипотетические предположения относительно *психологических механизмов*, благодаря которым можно наблюдать динамику психического состояния. Сопоставляя эту динамику с другими случаями, исследователь-практик получает возможность проверить выдвинутую гипотезу и обобщить полученные результаты, выводя не частные, а общепсихологические зависимости. Ценность метода анализа единичного случая заключается, как мы уже отмечали ранее, и в том, что в отличие от анализа выборочных данных, сопоставление случаев позволяет представить психологические механизмы

более *дифференцированно* и *комплексно*, с учетом индивидуальных особенностей обследуемых клиентов.

Изучение психологических последствий воздействия на человека различных психотерапевтических техник — далеко не единственная область исследования, в рамках которой обращение к методу анализа случая может помочь раскрыть и понять природу *психического как процесса* (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др.). По-существу, любая эмпирическая (экспериментальная) работа предполагает анализ и обсуждение случаев и включение в план исследования дополнительных переменных, фиксирующих индивидуальные особенности респондентов (испытуемых). Сопоставление данных между собой с учетом их динамики и с использованием выработанных критериев оценки, становится основой их систематизации с целью формулировки гипотез о психологических механизмах.

Все сказанное означает, что рассматриваемый нами метод немислим не только без заранее продуманных критериев оценки полученного материала, но и без обсуждения и интерпретации *общего* и *особенного* в процессе сопоставления случаев между собой. Благодаря методу “case study” общее и особенное не противопоставляются друг другу, а выступают в качестве сопряженных между собой характеристик объекта исследования, которые соотносятся не механически, а благодаря активной роли исследователя в этом процессе.

Метод анализа единичного случая со всей очевидностью демонстрирует возможность его адекватного использования только при осознанном понимании того, что, как участники исследования (респонденты, испытуемые), так и сам экспериментатор проявляют в эксперименте свою *субъектную позицию*: испытуемые — реагируя в ответ на оказываемое воздействие своим особым, индивидуальным отношением к эксперименту, опосредованным мотивацией, установками, прошлым опытом, эмоциональными реакциями и др., а экспериментатор — осуществляя активный мыслительный поиск общего и

особенного, универсального и уникального в анализируемом им психическом процессе (Брушлинский, 1996).

Это положение доказывает тот факт, что метод анализа единичного случая является тем научным инструментом, который успешнее всего применяется для объективации изучаемых психических процессов в их *непрерывности* и *недизъюнктивности*, как сложных процессов в единстве общего, особенного и единичного. Сформулированное положение в полной мере соответствует суждению А.В. Брушлинского, который писал: «Чем сложнее тот или иной процесс, тем более необходимым и плодотворным становится переход с дизъюнктивного на недизъюнктивный этап его научного изучения, т. е. на такой этап, когда уже объективно невозможно больше абстрагироваться от возникновения и развития этого процесса» (Брушлинский, 2003, с. 137).

Заключение

Утверждая, что обращение к методу анализа единичного случая, позволяет исследователю верифицировать эмпирические гипотезы, мы, конечно, имели в виду, что такого типа проверка предположений на истинность не может быть окончательной. Соглашаясь с Н.Е. Максимовой и И.О. Александровым в том, что индуктивизм (даже при его различных поправках) не может устранить разрыв между эмпирическим и теоретическим знанием (Максимова, Александров, 2016а), нам хотелось бы подчеркнуть, что для научной психологии метод анализа единичного случая может стать необходимым инструментом на этапе подготовки будущего исследования, построенного в соответствии с гипотетико-дедуктивным принципом. Формулировка гипотез, которые представляют собой предположения не только о связи изучаемых феноменов, но и о сущностных характеристиках психического как процесса, проверяемых с помощью “case study”, может стать основой выдвижения новых гипотез, верифицируемых в *истинных экспериментах*. В этом случае, как отмечают Н.Е. Максимова и И.О. Александров, будет возможно «построение нового обобщенного знания,

обладающего высокой степенью правдоподобия...» (Максимова, Александров, 2016а, с. 7), которое, благодаря познавательной активности исследователя возникает вследствие *реконструкции* факта, установленного эмпирически.

Такой подход не нарушает принятых в науке правил реализации номотетического метода, но допускает сохранение необходимого баланса между номотетической и идиграфической традициями в психологии, расширяя предметную область исследования благодаря включению метода анализа единичного случая в план эмпирического исследования и выдвигению на основе полученных с помощью метода результатов новых научных гипотез, проверяемых на достаточных по объему выборках. Подобная тактика исследования исключает неправомерно узкое толкование метода анализа единичного случая и показывает его возможности как метода научного исследования, используемого в комплексе с другими научными процедурами «экспериментальной методологии» психологии.

Литература

Арчакова Т.О., Кругленко Е.О., Курчанова О.Р., Семенова М.А. Мамы разные нужны; анализ случая в работе по программе «Зрелое родительство» // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 129–143.

Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1969.

Асмус В.Ф. Античная философия. Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. М.: «Высшая школа», 1976.

Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: «Когито-Центр», 2002.

Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб.: Изд-во «Речь», 2000.

Божевольнов Г.Ю. Анализ единичного случая в практике бихевиорального психологического консультирования // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 144–163.

Боковиков А.М. Предисловие к книге З. Фрейд «Знаменитые случаи из практики». М.: «Когито-Центр», 2007. С. 5–6.

Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 1996.

Брушлинский А.В. Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.

Гулыга А.В. Кант. М.: «Молодая гвардия», 1977.

Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во Московского университета, 1986.

Калмыкова Е.С. Опыты исследования личной истории: Научно-психологический и клинический подходы. М.: Изд-во «Когито-Центр, 2012.

Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Корнилов А.П., Корнилова Т.В. Специфика патопсихологического эксперимента как метода «анализ единичного случая» // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент. М.: Издательская группа «ФОРУМ» – ИНФРА-М», 1998. С. 138–171.

Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Кузовкин В.В. Исследовательский инструментарий для анализа единичного случая в клиентоцентрированном консультировании и психотерапии // Журнал практического психолога. 2014а. № 2. С. 25–49.

Кузовкин В.В. Кейс-метод в сфере вузовского обучения психологов-консультантов // Журнал практического психолога. 2014б. № 2. С. 164–182.

Кэмпбелл Д. Модели эксперимента в социальной психологии и

прикладных исследованиях. СПб.: Изд-во «Социально-психологический центр», 1996.

Лубовский В.И. Психологические проблемы диагностики аномального развития детей / Науч.-исслед. Ин-т дефектологии Акад. пед. наук СССР. М.: «Педагогика», 1989.

Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения). М.: Изд-во Московского университета, 1974.

Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: Изд-во «Эйдос», 1994.

Максимова Н.Е., Александров И.О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть I. Экспериментальная методология как способ создания нового психологического знания в исследовании // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 1. С. 5–15.

Максимова Н.Е., Александров И.О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть II. Организация предметной области психологии // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 5–18.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

Харламенкова Н.Е. Проблема метода: Case study // Тенденции развития современной психологической науки. Тезисы юбилейной научной конференции (Москва 31 января–1 февраля 2007 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. Ч. I. С. 322–323.

Харламенкова Н.Е. Case study как метод исследования личности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С.

747–752.

Харламенкова Н.Е. Case study как метод: подходы к его функциональным возможностям // Развитие психологии в системе комплексного человекознания // Ч. 1. Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 121–128.

Харламенкова Н.Е. Анализ единичного случая как метод исследования личности // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 9–24.

Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А. Психологические последствия влияния на человека опасного для жизни заболевания: анализ случая // Естественно-научный метод в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2014. С. 873–879.

Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Никитина Д.А. Метод триад при психологическом исследовании сложных объектов // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 37–46.

Ягнюк К.В. Формулировка случая психотерапии: значение для клинической практики // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 50–61.

Barlow D.H., Craske M.G., Cerny J.A., Klosko J.S. Behavioral treatment of panic disorder // Behavior Therapy. 1989. 20(2). P. 261–282.

Chen S.-Y., Lindo N.A. The impact of kinder training on young children's on-task behavior: A single-case design // International Journal of Play Therapy. Vol 27(2). Apr 2018. P. 78–91.

Davidson P.O., Costello C.G. (eds.) N=1: Experimental studies of single cases. N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1969.

Fallon L.M., Kurtz K.D., Mueller M.R. Direct training to improve educators' treatment integrity: A systematic review of single-case design studies // School Psychology Quarterly. Vol 33(2). Jun 2018. P. 169–181.

Fisher J.E., Buchanan J.A. Presentation of preferred stimuli as an intervention for aggression in a person with dementia // *Behavior Analysis: Research and Practice*. 2018. 18(1). P. 33–40.

Guest J.D., Ohrt J.H. Utilizing child-centered play therapy with children diagnosed with autism spectrum disorder and endured trauma: A case example // *International Journal of Play Therapy*. 2018. 27(3). P. 157–165.

Hilliard R.B. Single-case methodology in psychotherapy process and outcome research // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol 61(3). Jun 1993. P. 373–380.

Jones E.E. Introduction to special section: Single-case research in psychotherapy // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol 61(3). Jun 1993. P. 371–372.

Kazdin A.E. Methodological and interpretive problems of single-case experimental designs // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1978. 46(4). P. 629–642.

Leitenberg H. The use of single-case methodology in psychotherapy research // *Journal of Abnormal Psychology*. 1973. 82(1). P. 87–101.

Lundervold D.A., Pahwa R., Lyons K.E. Behavioral relaxation training for Parkinson's disease related dyskinesia and comorbid anxiety // *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*. Vol 7(4). 2013. P. 1–5.

Manolov R., Solanas A. Assigning and combining probabilities in single-case studies // *Psychological Methods*. Vol 17(4). Dec 2012. P. 495–509.

Martens B.K., Eckert T.L., Bradley T.A., Ardoin S.P. Identifying effective treatments from a brief experimental analysis: Using single-case design elements to aid decision making // *School Psychology Quarterly*. Vol 14(2). Sum 1999. P. 163–181.

McCullough J.P. Single-case investigative research and its relevance for the nonoperant clinician // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 1984. 21(3). P. 382–388.

Moeyaert M., Rindskopf D., Onghena P., Van den Noortgate W. Multilevel modeling of single-case data: A comparison of maximum likelihood and Bayesian estimation // *Psychological Methods*. Vol 22(4). Dec 2017. P. 760–778.

Moras K., Telfer L.A., Barlow D.H. Efficacy and specific effects data on new treatments: A case study strategy with mixed anxiety-depression // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol 61(3). Jun 1993. P. 412–420.

Oshiro C.K.B., Kanter J., Meyer S.B. A single-case experimental demonstration of Functional Analytic Psychotherapy with two clients with severe interpersonal problems // *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*. Vol 7(2-3). 2012. P. 111–116.

Pedersen E.R., Callaghan G.M., Prins A., Nguyen H.V., Tsai M. Functional Analytic Psychotherapy as an adjunct to cognitive-behavioral treatments for posttraumatic stress disorder: Theory and application in a single case design // *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*. Vol 7(2-3). 2012. P. 125–134.

Satir D.A., Goodman D.M., Shingleton R.M., Porcerelli J.H., Gorman B.S., Pratt E.M., Barlow D.H., Thompson-Brenner H. Alliance-focused therapy for anorexia nervosa: Integrative relational and behavioral change treatments in a single-case experimental design // *Psychotherapy*. Vol 48(4). Dec 2011. P. 401–420.

Shapiro E.S., Albright T.S., Ager C.L. Group versus individual contingencies in modifying two disruptive adolescents' behavior // *Professional School Psychology*. 1986. 1(2). P. 105–116.

Shapiro M.B. Experimental method in the psychological description of the individual psychiatric patient // *The International Journal of Social Psychiatry*. 1957. № 3. P. 89–102.

Shapiro M.B. The single case in fundamental clinical psychological research // *British Journal of Medical Psychology*. 1961. Vol. 34. Dec. P. 255–262.

Shapiro M.B. The measurement of clinically relevant variables // *Journal of Psychosomatic Research*. 1964. № 8. P. 245–254.

Shapiro M.B. The single case in clinical-psychological research // Journal of General Psychology. 1966. 74. P. 3–23.

Smith J.D. Single-case experimental designs: A systematic review of published research and current standards // Psychological Methods. Vol 17(4). Dec 2012. P. 510–550.

Sullivan K.J., Shadish W.R., Steiner P.M. An introduction to modeling longitudinal data with generalized additive models: Applications to single-case designs // Psychological Methods. Vol 20(1). Mar 2015. P. 26–42.

Turner J.S., Leach D.J. Experimental evaluation of behavioral activation treatment of anxiety (BATA) in three older adults // International Journal of Behavioral Consultation and Therapy. 2010. 6(4). P. 373–394.

Van den Noortgate W., Onghena P. Combining single-case experimental data using hierarchical linear models // School Psychology Quarterly. Vol 18(3). Fal 2003. P. 325–346.

CASE STUDY AS A METHOD: THE HISTORY AND THE PERSPECTIVES OF METHOD DEVELOPMENT IN PSYCHOLOGY

Kharlamenkova N.E.

The article is devoted to the case study method (single-case design) and its history in psychology and to the substantiating of the possibility of using it as a scientific procedure. It is shown that at present the possibilities of using the method are expanding, various types of studies are described, the criteria providing the validity and reliability of the data are systematized. It is revealed that the case study method has its own specificity in clinical psychology and psychology of personality, in the practice of teaching and behavior correction; current trends in the development of method are defined, the advantages of using this method on three cases are described and justified. The importance of the method for modern psychology is confirmed by the intensive development of the methodical part of the studies using this method, on the one hand, and, on the other, by the possible contribution of such studies to the solution of the methodological and theoretical problems of psychology. It is concluded that the case study method is necessary to apply simultaneously with other scientific procedures of the «experimental methodology» of psychology.

Key words: case study method, nomothetic and idiographic methods, validity, psychological mechanisms, psychic as a process, general and special, inductive and hypothetic-deductive methods, triad method.

Харламенкова Наталья Евгеньевна - доктор психологических наук, зав. лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН, Москва

Kharlamenkova Natalya Evgenyevna - Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of human development psychology in normal and posttraumatic states, Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, Moscow